

УДК 101.1:316
ББК 87.6

МОДУСЫ ДВУЛИКОГО ХАОСА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Т.И. Игнатенко, Е.Ю. Леонтьева

На основании синергетической методологии в статье анализируется понятие «социальный хаос» как креативный системообразующий диссипативный феномен, способный переродиться в патологическую форму и терять свою системообразующую функцию. Социальный хаос разделяется авторами на инновационный хаос и mortal-хаос, которые рассматриваются как два «лица» одного и того же социального явления. Понятие «mortal-хаос» непосредственно введено авторами.

Ключевые слова: социальная синергетика, диссипативные системы, социальный хаос, агрессия, инновационный хаос, mortal-хаос.

Теория самоорганизации, или синергетика, оказывает сегодня все большее влияние на различные сферы научной деятельности и вызывает все больший интерес. В синергетике к настоящему времени сложилось уже несколько научных школ. В их числе брюссельская школа лауреата Нобелевской премии И.Р. Пригожина; школа профессора Г. Хакена Института синергетики и теоретической физики в Штутгарте; школа академика А.А. Самарского и члена-корреспондента РАН С.П. Курдюмова. Следует упомянуть также теорию катастроф В.И. Арнольда и Р. Тома. Широко известны работы академика Н.Н. Моисеева, членов-корреспондентов РАН М.В. Волькенштейна и Д.С. Чернавского.

Активное использование синергетических принципов и законов в процессе исследования различных сторон жизни общества дает основание говорить о существовании социальной синергетики, которая находит свое применение в экономике, политике, социологии, психологии, истории. Так, например, очевидно, что «проблемные области экономической теории и есть области действия нелинейных закономерностей, которые существующая экономическая парадигма отобразить не может в принципе. Это и обуславливает интерес эко-

номистов к концепции самоорганизации» [4, с. 151]. По мнению В.П. Бранского, «социальная синергетика предстает перед нами как новая научная дисциплина, которую с таким же успехом можно было бы назвать *синергетической культурологией, а возможно, и синергетической социологией*» [1, с. 127]. Что касается социальной психологии, то присутствие в ней социальной синергетики объяснило бы многие социально-психологические феномены. Возможно, что имеет право на существование такой термин, как «синергетическая психология», так как термин «синергетика» (от греч. *synergeia*) буквально означает «сотрудничество, совместное действие, соучастие». В этом контексте синергетическая психология может стать разделом социальной психологии, в самом своем названии уже акцентируя внимание на методологии, основанной на нелинейном мышлении взаимодействующих субъектов и синтезе достижений различных наук при конструировании «картины мир». Возникающая «синергетическая картина мира включает в себя человека, где он призван осознать свою роль и ответственность в сотворчестве с природой, необходимость подчиняться законам коэволюции с ней. Для этого ему предстоит лучше понять мир и себя, свой природный и социальный генезис, законы мышления; отрефлексировать, как он понимает, моделирует реальность» [2, с. 81–82].

Эволюция социальных систем зависит от межличностного взаимодействия, как на микроскопическом, так и макроскопическом уровне. Таким образом, одной из наиболее важных социально-психологических проблем в теории самоорганизации является возникающая обратная связь между макроскопическими структурами и микроскопическими событиями: макроскопические структуры, возникающая из микроскопических событий, должны, в свою очередь, приводить к изменению в микроскопических механизмах. Это позволяет поставить вопрос о роли личности или группы в социокультурном процессе. В переломный исторический момент (точка бифуркации) поведение отдельной личности или группы лиц может стать ключевым звеном в цепи событий, которые могут привести к самым непредсказуемым последствиям. Таким образом, «синергетика может рассматриваться и как социальный мегапроект, объединяющий своей методологией представления различных аспектов бытия человека и культуры» [2, с. 83].

Однако есть мнение, что новая методология, положившая начало, по меткому выражению Э. Ласло, «эпохе бифуркаций», создает реальную опасность увлечения синергетической фразеологией и всем тем, что можно назвать феноменом философского импрессионизма [3, с. 104]. С удивительным постоянством проводятся мысли о том, что «неравновесная система может спонтанно эволюционировать к состоянию более высокой сложности», «система сама по себе выбирает пути развития», «хаос порождает порядок» и т. п. При этом игнорируется универсальный принцип относительности и допускается весьма произвольная интерпретация ряда таких физико-химических понятий, как «состояние равновесия», «обратимость процесса», «хаос», «состояние покоя», «время» (см.: [там же]). Иногда создается впечатление, что эти понятия выступают красивой метафорой, которую каждый понимает по-своему. Однако кажущаяся противоречивость устранима, если предположить, что речь идет о множестве аспектов, состояний и случаев проявления одного и того же процесса, который можно назвать «жизнью диссипативных систем, которая может и закончиться», где диссипативная сис-

тема (от лат. *dissipatio* «рассеиваю, разрушаю») – это *открытая система*, которая оперирует вдали от термодинамического равновесия. Диссипативная система иногда называется еще стационарной открытой системой или неравновесной открытой системой. Интересно утверждение Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова о том, что необходимо «понять роль диссипации (зла) как фактора выедания лишнего и поэтому как необходимого элемента для саморазвития мира» [6, с. 9]. Можно оценить метафоричность этого высказывания, однако «зло» имеет и другую трактовку, связанную с иудейским «ничто», и означает однозначную гибель системы и ее элементов. При этом диссипация как проявление хаоса может рассматриваться и как созидающее начало. Вышеназванные авторы это и подтверждают следующим высказыванием: «В процессе самоорганизации открытых нелинейных систем обнаруживается двойственная, амбивалентная природа хаоса. Он выступает как двуликий Янус. Хаос разрушителен (сложные системы в развитых состояниях могут быть чувствительными к малым хаотическим флуктуациям на микроуровне). И в то же время хаос конструктивен, созидателен (сам хаос может быть защитой от хаоса: механизмом вывода на структуры-аттракторы эволюции)... Хаос конструктивен через свою разрушительность и благодаря ей, разрушителен на базе конструктивности и через нее. Разрушая, он строит, а строя приводит к разрушению» [там же, с. 18]. При этом Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов фиксируют и возможный распад, гибель системы. «Естественный хаотический, “радиоактивный” распад нестационарных эволюционирующих сложных структур вблизи момента обострения является, стало быть, следствием неустойчивости организации таких структур к малым хаотическим флуктуациям на микроуровне. Неизбежный распад сложных быстроразвивающихся структур – одна из объективных закономерностей мироустройства» [там же, с. 15–16].

Таким образом, когда диссипативная система попадает в режим с обострением, в ней резко возрастает возможность распада, а не перехода на новую структуру в результате самоорганизации. Можно предположить, что при распаде системы доминирует социальный

хаос, отличный от того, который «работает» при самоорганизации; что существует и неконструктивный хаос, из которого не рождается порядок. В этом и есть онтологическое проявление его двуликости: доброй и злой, как это свойственно двуликому Янусу, отличное от проявлений относительной двуликости (когда относительно старой структуры «хаос» зарождается новая структура (новый порядок) разрушитель). Следовательно, социальный хаос может быть как конструктивным, инновационным (инновация – то же, что и «новообразование», новая структура), так и злокачественным, несущим системе разрушение и смерть. В дальнейшем мы будем называть злокачественный хаос mortal-хаосом (от англ. *mortal* «смертельный»).

Является двуликость социального хаоса действительно онтологической или это результат воления, употребления свободной воли во зло, перерождения здоровой сущности в патологическую? Это можно понять через социально-психологический анализ или анализ микроуровневых процессов, так как сам социальный хаос есть некоторое состояние, результат синергии – совместной деятельности людей, а следовательно, и качество хаоса, его «лицо» также определяют люди и их поступки. Для того чтобы произошла самоорганизация на макроуровне, люди должны хотеть и уметь договариваться. Еще функционалисты утверждали, что в основе прогресса лежит консенсус, социальная солидарность, жизнь в рамках системы ценностей, культивируемой в обществе. Можно предположить, что если этого нет, то возникает так называемый mortal-хаос.

Для чего же борются друг с другом живые существа? На этот вопрос дал ответ еще К. Лоренц, и позволим себе его процитировать: «...внутривидовая агрессия – агрессия в узком и собственном смысле этого слова – тоже служит сохранению вида... Как известно, вопрос о пользе борьбы для сохранения вида поставил уже сам Дарвин, и он же дал ясный ответ: для вида, для будущего – всегда выгодно, чтобы область обитания или самку завоевывал сильнейший из двух соперников. Как часто случается, эта вчерашняя истина хотя и не стала сегодня заблуждением, но оказалась лишь частным случаем. В последнее

время экологи обнаружили другую функцию агрессии, еще более существенную для сохранения вида. Термин “экология” происходит от греческого οἶκος “дом”. Это наука о многосторонних связях организма с его естественным жизненным пространством, в котором он “дома”; а в этом пространстве, разумеется, необходимо считаться и с другими животными и растениями, обитающими там же. Если специальные интересы социальной организации не требуют тесной совместной жизни, то по вполне понятным причинам наиболее благоприятным является по возможности равномерное распределение особей вида в жизненном пространстве, в котором этот вид может обитать. В терминах человеческой деловой жизни – если в какой-нибудь местности хотят обосноваться несколько врачей, или торговцев, или механиков по ремонту велосипедов, то представители любой из этих профессий поступят лучше всего, разместившись как можно дальше друг от друга.

Что какая-то часть биотопа, имеющегося в распоряжении вида, остается неиспользованной, в то время как в другой части вид за счет избыточной плотности населения исчерпывает все ресурсы питания и будет страдать от голода, – эта опасность проще всего устраняется тем, что животные одного и того же вида *отталкиваются* друг от друга. Именно в этом, вкратце, и состоит важнейшая видосохраняющая функция агрессии» [7, с. 36–38].

Если провести некую аналогию между агрессией и диссипацией, то можно предположить, что в изначальном своем сущностном исполнении это феномены креативные, системообразующие, без них невозможна адаптация как системы в целом, так и отдельного человека. Они даны с целью самосохранения и конструктивного развития. Без них невозможна эволюция. Но в условиях цивилизации агрессивный инстинкт очень часто «сходит с рельсов» и приводит к определенной форме диссипации, то есть он способен переродиться в патологическую форму и становиться механизмом самоуничтожения. «Злое» лицо хаоса («злая» диссипация) – результат «злого» воления, порождающего «злокачественные» флуктуации, способные быть трансгрессивными и приводить системы в режимы обострения, когда вероятность случайно-

го выбора становится бесконечно велика. Таким образом, точки бифуркации также могут иметь различное качественное состояние, в зависимости от доминирующего в них «лица» хаоса. Проиллюстрировать это можно следующим примером: отдельные помещики давали вольную своим крестьянам задолго до отмены крепостного права – это были флуктуации инновационного хаоса, накопление которых, вкупе с внешними инновационными флуктуациями, привело к отмене крепостного права в 1861 году. Александр II «почувствовал» точку бифуркации и принял правильное решение, которое ускорило вывод системы на эволюционно выбранный, детерминированный аттрактор, что открыло широчайшие возможности для развития капитализма в России. Накопленный определенными группами mortal-хаос вылился в убийство царя, что повлияло на жизнь общества в плане ужесточения существующего порядка его преемником. В 1917 г. картина была иной: кризис власти и Первая мировая война, общее состояние экономики способствовали доминированию mortal-хаоса, точка бифуркации носила революционный характер, свойственный всем режимам с обострением, – система практически распалась. Большевики пришли к власти с определенной долей случайности, еще более усугубив процесс своими известными декретами («Власть – народу, земля – крестьянам...»), что, по сути, призывало к нарушению действовавших законов, девиантному поведению в худших его формах, гражданской войне и являлось флуктуационными проявлениями mortal-хаоса. Парадоксально то, что те же большевики, по мнению Л.П. Карсавина, затем всеми способами боролись с этим mortal-хаосом. «Можно с разных сторон подходить к большевизму. Здесь я остановлюсь лишь на одной. По существу своему политика большевиков была если и не лучшим, то, во всяком случае, достаточным и, при данных условиях, может быть, единственно пригодным средством для сохранения русской государственности и культуры. Они уничтожали “бар” и живших по-барски, носителей культуры. – Они ли? Не являются ли большевики лишь организаторами стихийной ненависти и воли темных масс?» [5, с. 308].

Таким образом, социальный хаос – это креативный системообразующий диссипативный феномен, способный перерождаться в па-

тологическую форму и терять свою системообразующую функцию. Социальный хаос может существовать как динамический (детерминированный) хаос микроуровней, внутри определенной упорядоченной диссипативной структуры. Социальный хаос в нормальном состоянии – это хаос структурирующий, инновационный, способный выводить социальные системы на новые структуры эволюционным путем, закрепляя в точке бифуркации перешедший на макроуровень уже существующий хаос, по своей сути являющийся новым порядком. Такой хаос возможен при конструктивном решении людьми своих проблем, при их умении договариваться. Если же внутривидовая агрессия направляется на собратьев по виду и повсеместно наносится вред «ближнему своему», то это означает, что появляется патологическая, переродившаяся форма социального хаоса, названного нами mortal-хаос. Это патологическое «лицо» хаоса способно свергнуть любую социальную систему в состояние анархии, распада ее социальных институтов, криминализацию и, как следствие, привести к ее деградации и гибели, если доминирование этого хаоса будет повсеместным и необратимым. Но даже в таком mortal-хаосе, который по своей сути есть нечто бесформенное, неопределенное, присутствует возможность порядка. «Сценарии» порядка существуют в нем как некие «архетипы», «фракталы», ждущие своего познающего субъекта. И выбор нового порядка часто в таком состоянии случаен, зависит от убеждений и настроений отдельного лидера и носит самые непредсказуемые формы. Все это характерно для «режима с обострением», революционного состояния системы. Действие mortal-хаоса происходит очень быстро по сравнению с инновационным хаосом, так как рвать социальные связи значительно проще, чем «плести» из них новый «узор» новой структуры. У mortal-хаоса есть еще одно страшное свойство: он может переходить в термодинамический хаос. Mortal-хаос – это ведь не только гибель структуры, разрушение социальных связей, но и состояние уничтожения людьми друг друга. Все это приводит к гибели целых цивилизаций и переходу на всех уровнях к термодинамическому (полному) хаосу, свидетельствующему о биологической смерти системы, своего рода социальному «ничто».

То есть если смерть структуры в результате mortal-хаоса – это еще «нечто», то полная гибель, исчезновение населения – это уже социальное «ничто».

Такое понимание сущности хаоса особенно важно на современном этапе развития общества. Будущий мир тотальной коммуникации называют иногда «глобальной деревней», чтобы подчеркнуть степень сближения и знакомства друг с другом, достигнутую с помощью высокотехнологичной окружающей среды. Наступление новой эры зависит от реализации дружеских взаимодействий между людьми. Следовательно, возникает проблема, связанная с человеческими эмоциями, то есть «финальный аттрактор социокультурной эволюции может оказаться не “глобальной деревней”, а гигантским “Левиафаном”, который подчиняет себе все человечество эффективностью современных высокотехнологических процедур» [9, с. 56]. «Левиафан» еще не самое страшное, что может ожидать человечество: есть вероятность того, что люди в слепой вражде загонят друг друга в самые темные тупики эволюции. «Таков Двуликий Янус – человек. Единственное существо, способное с воодушевлением посвящать себя высшим целям, нуждается для этого в психофизиологической организации, звериные особенности которой несут в себе опасность, что оно будет убивать своих братьев в убеждении, будто так надо для достижения тех самых высших целей. Се – человек!» [7, с. 256].

Причины mortal-хаоса находятся, таким образом, в самом человеке. Поэтому вполне понятен особый интерес современной науки к человеческим эмоциям. Надо сказать, что эта проблема волновала всегда. В культурно-историческом развитии народов давным-давно отчетливо просматриваются механизмы торможения негативных эмоций, именно поэтому важнейшее требование Моисеевых и всех прочих скрижалей – это не предписания, а запреты. И всегда во все времена оставалась проблема: как заставить человека вести себя социально по естественным склонностям или хотя бы делать это под страхом наказания. Общество борется с mortal-хаосом, используя репрессивные механизмы, как на микро-, так и макроуровнях, но плохо справляется с этим в «режиме с обострением». Поэтому легче не доводить до этого ре-

жима, чтобы потом мучительно не организовывать «стихийную ненависть и волю темных масс» любыми средствами. Какие это «любые средства», мы из истории знаем: они стоят жизни бесчисленному количеству людей. Н.О. Лосский писал о революции: «Всеобщее разрушение произведено ею в такой степени, что дать понятие о нем людям, не пережившим этого ужаса, невозможно, а количество отправленных на тот свет людей равняется не менее чем тридцати миллионам, если считать не только расстрелянных людей, но и смертность в концентрационных лагерях и гибель множества людей от голода в начале революции вследствие реквизиции хлеба, а потом вследствие стремительного разрушения индивидуальных крестьянских хозяйств и замены их колхозами» [8, с. 232]. Таким образом, mortal-хаос возникает именно тогда, когда в обществе доминирует насилие, когда внутри-видовая агрессия направляется на братьев по виду с целью подчинения их своей власти и нанесения им вреда. В итоге рвутся социальные связи, обеспечивающие целостность общества, гибнут люди. В то же время в инновационной форме социальный хаос выводит системы на пути эволюционного развития, без него невозможно самоорганизация и адаптация. В основе инновационного хаоса позитивное человеческое общение, основанное на общечеловеческих ценностях, существующих вне времени и пространства.

Два лица одного социального явления – двуликий хаос подобен двуликому Янусу. Это серьезное предупреждение всему человечеству в эпоху глобализации. Все это делает необходимым проведение социально-психологического анализа хаотизации современных обществ. Методологическая база социальной синергетики делает такой анализ возможным, предлагая свою терминологию, а также понимание социальных процессов во всем их многообразии и нелинейности с учетом особенностей человеческой психики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бранский, В. П. Теоретические основания социальной синергетики / В. П. Бранский // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 112–127.

2. Буданов, В. Г. О методологии синергетики / В. Г. Буданов // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 79–93.

3. Дрюк, М. А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм / М. А. Дрюк // Вопросы философии. – 2004. – № 10. – С. 102–113.

4. Егоров, Д. Г. Зачем экономике синергетика? (Деньги как источник синергетических эффектов в экономических системах) / Д. Г. Егоров, А. В. Егорова // Общественные науки и современность. – 2006. – № 3. – С. 149–154.

5. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – СПб. : Комплект, 1992. – 352 с.

6. Князева, Е. Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3–20.

7. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц. – М. : ИГ «Прогресс», «Универс», 1994. – 272 с.

8. Лосский, Н. О. Бог и мировое зло / Н. О. Лосский. – М. : Республика, 1994. – 432 с.

9. Майнцер, К. Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже века / К. Майнцер // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 48–62.

BIFACIAL CHAOS MODI: SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

T.I. Ignatenko, E.Yu. Leontjeva

The «social chaos» concept as a creative system-dissipative phenomenon able to degenerate into a pathological form and lose its system forming function is considered in this article. The authors classify social chaos as innovative chaos and mortal-chaos, which are viewed as two «sides» of one and the same social phenomenon. The term of «mortal-chaos» is developed and introduced by the authors.

Key words: *social synergetics, dissipative systems, social chaos, aggression, innovative chaos, mortal-chaos.*